

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВЕННИК Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ
И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ
(1861—1868)**

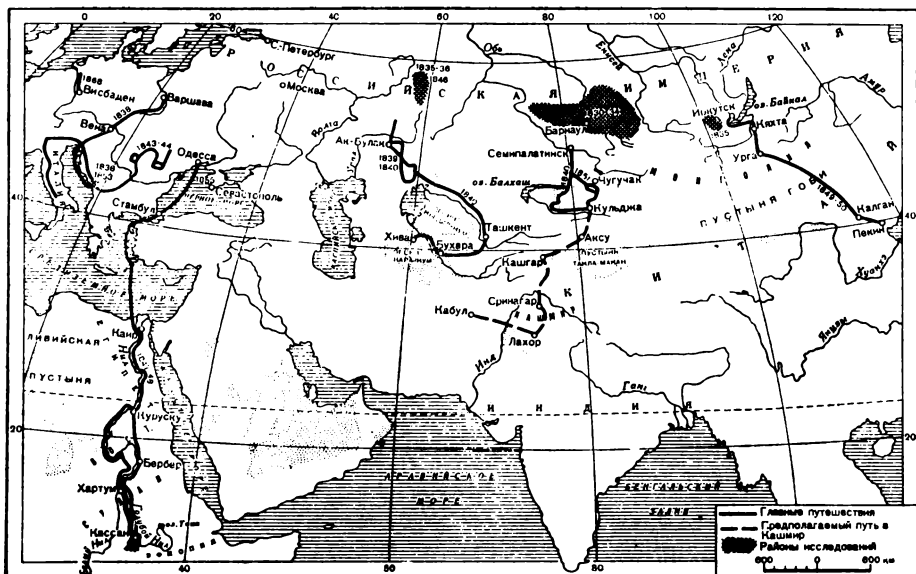
Егор Петрович Ковалевский — выдающийся географ и путешественник, талантливый писатель и общественный деятель, крупный дипломат и горный инженер. Это человек ненасытной наблюдательности, которого не могла удовлетворить спокойная жизнь в Петербурге. Из прожитых им 59 лет — 25 Ковалевский провел почти в непрерывных странствованиях по малоизвестным странам Азии, Африки и Европы.

Пребывание в Петербурге между экспедициями было очень коротким и приходится удивляться, как в столь непродолжительное время он успевал издавать описания своих путешествий, в которых давал не только очень интересные характеристики природы и населения малоизвестных стран, но и находил общие закономерности в истории их развития.

Е. П. Ковалевский начал свои путешествия в Сибирь 20-ти лет. Он занимался географическим изучением Западной и Восточной Сибири, поисками полезных ископаемых. Уже тогда он указал на замечательные природные богатства Алтая и его большое будущее в развитии металлургии. На Урале, являясь ближайшим помощником знаменитого металлурга П. П. Аносова, начальника Златоустовских заводов, Е. П. Ковалевский добился больших успехов в усовершенствовании процессов добычи золота.

За 18 лет до путешествия Н. А. Северцова он составил геолого-географическое описание Восточного Казахстана, а за 20 лет до путешествия Н. М. Пржевальского побывал в Монголии и Китае, дав их интересное описание.

В Восточном Судане и Западной Эфиопии Е. П. Ковалевский был одним из первых европейских путешественников и первым русским. После возвращения из этих стран он выступил против расовой теории, в защиту африканских народов, которых, как он писал, "привилегированная каста человечества поставила на последнюю ступень чело-

Путешествия Е. П. Ковалевского

веческого рода". Его поддержали Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. Е. П. Ковалевский был связан узами дружбы с петрашевцами и сочувствовал их идеям. Экспедиции в дальние страны спасли его от преследований царизма.

За 6 лет до путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань Е. П. Ковалевский возглавил экспедицию в Кульджу, которая прошла весь Семиреченский край до Тянь-Шаня. Экспедиция произвела топографическую съемку местности, геолого-географические исследования и разведку полезных ископаемых. Важнейшим политическим результатом экспедиции было заключение Кульджинского трактата с Китаем о беспошлинной меновой торговле.

Е. П. Ковалевский не только внес большой вклад в изучение природы и населения Востока, но и содействовал установлению дружественных отношений между Россией и народами этих стран. Обладая исключительными способностями, огромными знаниями и неиссякаемой энергией, он служил своей родине и как талантливый дипломат. С 1838 по 1855 г. он четыре раза побывал в Черногории и других славянских странах. Имя его в этих странах пользовалось огромной популярностью. Он не забыт там и сейчас. Во время Крымской войны Е. П. Ковалевский находился в осажденном Севастополе.

В 1859 г. вместе с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым и другими русскими писателями Ковалевский основал в Петербурге Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Он был до конца своей жизни почти бессменным председателем фонда, отдавал ему много сил и времени в благодарность за "лучшие минуты жизни, доставленные ему русской ученой и художественной литературой".

Е. П. Ковалевский был человеком передовых общественно-политических воззрений, вот почему он помогал революционным демократам и передовым русским писателям и ученым устно и печатно распространять свои идеи. Он ненавидел мерзость крепостного права, писал о необходимости ликвидации дворянских привилегий и правительственного произвола. Он выступал против налогового бремени, которое главной тяжестью обрушивалось на трудящихся. Его возмущала удушливая атмосфера, которая царил в учреждениях, рутина и бюрократизм чиновников. Ф. И. Тютчев в стихотворении "Памяти Е. П. Ковалевского" писал:

"Но в правду верил он, и не смущался
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Русь был редкий человек". [28, с. 201]

В этой статье мы публикуем новые материалы о деятельности Егора Петровича Ковалевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1861 до 1868 г. О связях Е. П. Ковалевского с петербургскими литераторами и учеными до 1861 г. рассказывается в наших других работах. [2; 3; 4; 5].

В 1861—1862 гг. деятельность Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым значительно активизировалась. Революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич принимали активное участие в его работе вплоть до их заключения в Петропавловскую крепость, а Н. И. Утин до своего побега за границу. Студенческие волнения в Петербургском университете содействовали созданию революционной организации молодежи, которая присоединилась к Литературному фонду и за активную деятельность была запрещена царским правительством. Понимая значение литературы и науки для развития общества, Ковалевский старался через Литературный фонд облегчить тяжелые условия жизни писателей и ученых.

2 февраля 1861 г. Ковалевский выступил на годовом собрании Общества с отчетом. Он сообщил, что число членов Литературного фонда уже превысило 500 человек. С ноября 1859 г. было собрано более 35 тысяч рублей и выдано нуждающимся 68 пособий. Ковалевский рассказал о тяжелом положении писателей и ученых, обращавшихся

Е. П. Ковалевский во время путешествия по Африке в 1848 г.

за помощью. Многих из них он посетил на дому и видел "нужду потрясающую". "Еще долго, — писал он, — положение литераторов и их семейств не будет достаточно обеспечено; еще долго девизом их существования будут слова: работы и хлеба.

Что же касается до литературы, — продолжал он, — то она навсегда сохранит для общества то значение, какое имела прежде, какое имеет и теперь. Всегда будет она следовать за движением науки и жизни, выражая истины, добытые первою, и потребности, обнаруженные последнею, выражая в своей общедоступной форме, передавая новые идеи массе общества и чрез то возвышая уровень его образования, из которого мало-помалу, должно возникнуть просвещенное общественное мнение" [13].

В состав комитета на годовом собрании были избраны: Е. П. Ковалевский, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, И. С. Тургенев, П. М. Ковалевский, А. П. Заболоцкий-Десятовский, А. В. Дружинин, Е.И. Ламанский, С. С. Дудышкин, И. Н. Березин, П. Л. Лавров и Н. В. Калачев. Председателем на второй срок был избран Е. П. Ковалевский.

Активное участие в работе комитета принимал Н. Г. Чернышевский. Через него многие литераторы получали материальную помощь из Литературного фонда. Так, например, в апреле 1861 г. Н. Г. Черны-

шевский предложил оказать помощь бывшему отставному солдату Семену Макашину, автору двух повестей, напечатанных в "Русском вестнике" и "Современнике". Деньги необходимы были Макашину для переезда из Саратова в Москву.

В Архиве Литературного фонда сохранилось большое письмо Макашина Н. Г. Чернышевскому, из которого видно, что, переехав в Москву, Макашин "для поддержания жизни был вынужден заниматься перепиской чужих деловых бумаг" (10 к. с листа). "Эта работа, — писал С. Макашин, — мне не по сердцу и отвлекает меня от литературы". Он снова просил оказать ему помощь. 12 мая 1861 г. комитет постановил выдать С. Макашину 75 рублей. Деньги С. Макашину были переданы через Н. Г. Чернышевского и поэта-петрашевца А. Н. Плещеева.

В августе 1861 г. Н. Г. Чернышевский сообщил комитету о болезни молодого литератора В. Н. Елагина, "сделавшегося известным многими журнальными статьями и повестями, которые в недавнее время обратили на себя внимание". Комитет постановил выдавать В. Н. Елагину пособие в сумме 40 рублей в месяц "впредь до облегчения, которое позволило бы ему возвратиться к занятиям". По представлению Н. Г. Чернышевского было также выдано единовременное пособие Маркову, "одному из трудолюбивых сотрудников" журналов, для переезда в деревню для лечения.

Лица, получавшие субсидии от Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым видели в них нечто большее, чем материальную помощь. Так, например, декабрист М. А. Бестужев, получив 26 мая 1861 г. письмо от Е. П. Ковалевского и 1000 рублей на возвращение из Сибири, после отбытия наказания, писал М. И. Семевскому: "Не стану распространяться о чувствах благодарности моей к горячему сочувствию гг. членов комитета к моему положению: литературные заслуги двух моих покойных братьев, без сомнения, было только предлогом чтоб сделать мне добро, тем не менее это сочувствие для меня лестно, как выражение образа мыслей, как взгляд молодого, просвещенного поколения на наше дело. Это уже не желчь, а отрадное питье, освежающее запекшиеся уста распятого за истину мученика" [7, с. 439—440].

Желая использовать трибуну Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым для пропаганды своих взглядов, Н. Г. Чернышевский хотел прочесть курс публичных лекций по политической экономии в Пассаже. О том, какие мытарства ему пришлось испытать для получения разрешения цензуры, видно из его письма к Н. А. Добролюбову от 27 апреля 1861 г. "Итак, — писал Н. Г. Чернышевский, — в понедельник, 3 апреля, я устремляюсь на Певческий мост, в квартиру Е. П. Ковалевского, председателя фонда литер., и объявляю

желание читать лекции в Пассаже; он согласен. 4 апреля я пишу программу, 5 апреля программа отправляется от Ковал. к Делянову за разрешением, от Делянова к Горлову на рассмотрение. 6-го я устремляюсь к Делянову за справкою и затем же устремляю Пыпина к Горлову. Дел. говорит, что не будет препятствий. Горлов в восторге от экономической ортодоксальности программы и выражает живейшее сочувствие ее автору" [29, с. 426].

Однако, Н. Г. Чернышевскому не удалось прочесть задуманный курс лекций, так как чиновники из цензурного комитета только тогда дали разрешение на чтение лекций, когда из-за наступления летнего сезона их уже невозможно было организовать.

Особенно активное участие в работе комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Н. Г. Чернышевский стал принимать в период студенческих волнений в 1861 г., когда по всей стране началось движение протеста против реформы 1861 г., в результате которой крестьяне оказались ограбленными и поставленными в еще более бесправное положение. Студенческие волнения в Петербургском университете охватили более широкую массу студенчества, чем в период 1857—1858 гг. Фридрих Энгельс по поводу студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. писал, что это было "первое серьезное движение среди студентов, тем более опасное, что народ повсюду был в сильном возбуждении, вследствие освобождения крепостных крестьян" [1, с. 554].

Студенческие волнения вызвали сильное беспокойство со стороны царского правительства. В связи с этим Совет министров назначил комиссию по ревизии деятельности университетов в составе: графа С. Г. Строганова, барона М. А. Корфа и петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева.

Министра народного просвещения Евграфа Петровича Ковалевского обвинили в "потворстве открытым беспорядкам", в том, что он мало обращал внимания на "нравственную часть" университетов, не придавал серьезного значения студенческим волнениям, допускал существование университетского студенческого суда, который подвергал разбору "не только поступки товарищей, но даже распоряжения начальства и действия профессоров". А главное, Евграф Петрович, по мнению комиссии, не принимал решительных мер против революционно-настроенной молодежи.

13 апреля 1861 г. на заседании комитета министров Александр II поставил вопрос о закрытии университетов. Евг. П. Ковалевский решительно высказался против репрессивных мер и призвал "усилить финансовые средства университетов, и дать им возможность развиваться в научном отношении соответственно потребностям времени и успехам знания в Западной Европе". Евг. П. Ковалевский также отста-

ивал принцип широкого доступа в университеты представителей разных сословий [24, с. 98, 113].

А. В. Никитенко в своем дневнике писал, что Евг. П. Ковалевский "встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылаясь на дух времени, но это не помогло". Вскоре была создана комиссия в составе: гр. В. Н. Панина, С. Г. Строганова и князя В. А. Долгорукова.

А. И. Герцен в "Колоколе" писал, что граф С. Г. Строганов, "заявивший себя врагом освобождения и врагом воскресных школ, натолковал государю о необходимости принять деятельные меры ПРОТИВ университетов. Государь велел Ковалевскому составить проект. Ковалевский поступил как честный человек и написал проект улучшений, не вовсе вредных для университетов. Но новой тайной полицией, под генерал-инквизиторством Строганова, это не понравилось, и 13 апреля, в Совете министров, поднялась буря против Ковалевского. Буря эта окончилась учреждением комиссии ТРЕХ. Эти трое составившие ВТОРОЕ ТРЕТЬЕ отделение, назначенное исключительно против университетов и просвещения, которым поручено разобрать и дополнить проект Ковалевского: жандарм — Долгорукий, экс-юстиция Панин и экс-куратор Строганов. Не унести вам честного имени в гроб после таких проделок и таких товарищей" [8, с. 99].

Эта комиссия отвергла все предложения Евг. П. Ковалевского и издала новые правила для поступления и обучения в университетах, по которым прекращался доступ в университеты малообеспеченной молодежи, устранилась студенческая корпорация, касса и библиотека, воспрепачались сходки и публичные лекции. Все это вынудило Евг. П. Ковалевского в июне 1861 г. выйти в отставку. Министром народного просвещения был назначен Е. В. Путьгин, которому поручалось срочно положить конец беспорядкам.

Через несколько месяцев и Е. П. Ковалевский вынужден был уйти в отставку с должности директора Азиатского департамента. М. И. Венюков в своих воспоминаниях писал, что "вследствие удаления брата его Евграфа, от должности министра народного просвещения и его спровадили из директоров Азиатского департамента в Сенат. В этом случае его непосредственный начальник, князь Горчаков, поступил по моему мнению не только несправедливо, но непатриотично, и отчасти даже неблагоприятно. Лучшего направителя азиатской политики России, как Егор Ковалевский не было во все время существования министерства иностранных дел. И если его не жаловали посредственности, в роде какого-нибудь консула Скачкова, то все умные и любящие отечество сохраняют о нем добрую память". Основной причиной удаления Е. П. Ковалевского, по мнению М. И. Венюкова, было "чувство зависти к превосходству сотрудника, которое едва-ли было извинительно в

том случае, если Ковалевский иногда посмеивался над "людьми белой кости", т. е. над аристократами, к которым Горчаков, конечно, себя причислял. Во-вторых, минута удаления полезного, хотя и неприятного подчиненного была выбрана "аристократом" вовсе не по-барски, не по-княжески, а по-подьячески, именно, когда брату Егора Петровича пришлось сойти со сцены при защите либерального университетского устава от нападок таких защитников мракобесия, как Панин, Долгоруков и К^о" [6, с. 246—247].

"Новые правила" обучения в университете были напечатаны в студенческих матрикулах. Всем студентам предложили получить матрикулы и подать прошение о том, что они желают остаться в университете и выполнять эти правила. В знак протеста против нового устава студенты отказывались брать матрикулы. Они собирались на сходки и митинги, распространяли прокламации, в которых выражали свой протест против наступления реакции.

В начале сентября 1861 г. по Петербургу распространилась прокламация "К молодому поколению", написанная Н. В. Шелгуновым при участии М. И. Михайлова, напечатанная в лондонской типографии А. И. Герцена. Прокламация требовала "немедленной революции, революции кровавой и неумолимой, революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка". В прокламации ставился вопрос о бесплатном обучении, равноправии женщин, социализации земли и уничтожении частной торговли. 14 сентября 1861 г. М. И. Михайлов был арестован. На следующий день 30 литераторов написали протест против его ареста.

24 сентября университет был закрыт "на непродолжительное время". 25 сентября студенты организовали многолюдную демонстрацию и двинулись по направлению к Колокольной улице, где помещалась квартира попечителя С.-Петербургского учебного округа Г. И. Филиппова. После демонстрации начались повальные аресты. 26 сентября было арестовано 26 студентов "зачинщиков демонстрации", а потом еще 300 студентов. 27 сентября было опубликовано новое распоряжение "высшего начальства" о том, что "вследствие повторившихся в Санкт-Петербургском университете беспорядков, лекции прекращены и вход в университет закрыт, впредь до дальнейших распоряжений". На состоявшейся в этот день сходке выступил П. Л. Лавров.

Вскоре начались новые аресты и избиения студентов. Тюрьмы Петербурга были переполнены. Арестованных отправляли в кронштадтскую тюрьму. 9 октября был закрыт и Казанский университет.

В это тяжелое для учащейся молодежи время Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым организовало сбор средств в пользу студентов. 16 октября 1861 г. на заседании комитета под пред-

седательством Е. П. Ковалевского обсуждался вопрос о "необходимости оказать пособие многим молодым людям на продолжение их образования". На основании пятого параграфа устава Общества комитет признал необходимым назначить 500 рублей для пособия тем "молодым людям, которые по определению профессорского комитета, составленного для разбора нужд учащегося юношества, будут выбраны, как лица, требующие немедленного вспомоществования".

Особенное беспокойство и заботу о судьбе арестованных студентов проявил Н. Г. Чернышевский. В письме к П. Л. Лаврову он писал: "Михаил Алексеевич Воронов, мой старинный приятель, покажет Вам телеграмму, полученную мной из Кронштадта. Мне кажется, что надобно было бы отправить в Кронштадт с кем-нибудь (например, Мих. Ал. Вор., или студентом Ламанским, или бы с другим поверенным) до 500 или 600 р. из фонда на переезд освобождаемых в Пет., а в Петерб. позаботиться о размещении их до устройства их дел по квартирам порядочных людей. Ваш Н. Чернышевский". Из этого письма видно, что Н. Г. Чернышевский поддерживал связь с арестованными в Кронштадте и своевременно был поставлен в известность о необходимости оказать им помощь.

В ответ на это письмо казначей комитета П. Л. Лавров писал 1 декабря 1861 г.: "Я, со своей стороны, Николай Гаврилович, совершенно согласен на выдачу 500 рублей в помощь кронштадтским заключенным, тем более, что там большинство. Если составится голосов 5 в пользу этого мнения, то решение комитета обязательно. Кажется в прошлом заседании говорилось о 1000 рублей, которые надо бы назначить студентам. Теперь пора перейти к действию. Вполне преданный Вам П. Лавров".

Были собраны подписи членов комитета, необходимые для выдачи пособия арестованным студентам. Известный археолог, академик Н. В. Калачев, историк русского языка, подписал: "Вполне согласен". Далее следовала приписка Н. Г. Чернышевского: "Совершенно согласен. Н. Чернышевский. Г-н Березин изустно уполномочил меня засвидетельствовать, что он также согласен. Н. Чернышевский" [12, с. 104].

Вскоре состоялось решение комитета об оказании необходимой помощи студентам. 12 декабря 1861 г. Е. П. Ковалевский сообщил комитету, что во исполнение решений комитета об ассигновании средств на помощь учащимся сверх 500 рублей, он, как председатель комитета, предлагает установить новую сумму для раздачи молодым людям. Комитет постановил выдать казначею по распоряжению председателя еще 1000 рублей серебром для распределения их между нуждающимся юношеством.

В тот же день бывший вольнослушателем университета Егор Южиков обратился к П. Л. Лаврову с просьбой о помощи. "Деньги, соб-

ранные заключенным студентам, — писал он, — уже все розданы; поэтому я позволю себе, при своих затруднительных обстоятельствах, обратиться к Вам с покорнейшей просьбой доложить о моей просьбе вспомоществования комитету Общества Литературного фонда. Позвольте уверить Вас, что только крайние затруднения заставляют меня просить вспомоществование при столь малом праве на это, какое дают мне две помещенные мною в "Современнике" статьи. Позволю себе надеяться, что комитет признает за мной это право, по крайней мере, уважая трудные мои обстоятельства" [34, ф. 438, № 9, л. 365].

Л. Ф. Пантелеев в статье "Из истории первых лет существования Литературного фонда" сообщает, что в 1861 г. в Петербурге организовался кружок для помощи заключенным, с такой организацией, чтобы молодежь сама могла войти в его состав. "Я теперь не припоминаю, — писал он, — откуда впервые появилась идея такого Общества, но судя по тому, с каким живейшим интересом к этому делу относился Чернышевский, очень возможно, что она пошла от него" [20, с. 89].

В конце 1861 г. несколько молодых людей обратилась к Е. П. Ковалевскому с просьбой учредить при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым особое отделение для помощи нуждающимся учащимся. Л. Ф. Пантелеев указывает, что основатели этого отделения хотели подать непосредственно А. В. Головнину специальный адрес с подписями с просьбой разрешить это отделение, но Чернышевский их отговорил от этого. "Если вы откажетесь от адреса, — сказал он, — то могу вам наверное сказать, что будет разрешено второе отделение" [21, с. 226].

Для сбора средств в пользу бедных студентов Литературный фонд наметил провести вечер памяти Н. А. Добролюбова и цикл лекций Н. Г. Чернышевского по политической экономии. Н. А. Некрасову было поручено подготовить посмертные стихи Н. А. Добролюбова к чтению на вечере. 27 ноября 1861 г. он писал Е. П. Ковалевскому: "Пожалуйста извините, Егор Петрович, я не успел приготовить стихотвор. Добролюбова к сегодняшнему вечеру. В четверг в 11 ч. утра я привезу их Вам для представления в цензуру, и привезу еще очень хороший рассказ Успенского (в пол-листа печатных). Этот рассказ прочтет сам автор, разумеется, если рассказ Вам понравится" [18, с. 289].

Из объявления, опубликованного в петербургских газетах, видно, что программа этого вечера была очень обширной. Н. И. Костомаров читал "Тысячелетие", А. В. Лохвицкий — "Эпизод из истории России (1862)", В. И. Водовозов отрывок из поэмы Генриха Гейне "Германия", М. И. Семевский — "Самоучка — Зарубин", А. Н. Майков стихотворение "Поле", П. И. Мельников-Печерский — "Эпизод из истории раскола" и И. Ф. Горбунов — "Сцены из народного быта".

В 1862 г. в первой книге "Современника" Н. А. Некрасов опубликовал "Посмертные стихи Н. А. Добролюбова" и свое вступительное и заключительное слово, сказанное на этом вечере. В этом же номере "Современника" напечатан и рассказ Успенского "Из дневника неизвестного", о котором Н. А. Некрасов упоминает в своем письме к Е. П. Ковалевскому.

В марте 1862 г., вскоре после выхода в свет этого номера "Современника", статья Н. А. Некрасова о Н. А. Добролюбова была уже прочитана на литературных чтениях в Казани. Чтение было организовано другом Н. Г. Чернышевского П. А. Ровинским, недавно возвратившимся из Чехии и уже находившимся под надзором полиции.

Вот что было опубликовано в "Казанских губернских ведомостях" по поводу этих литературных чтений: "Первая мысль об устройстве литературных вечеров, сбор с которых назначен на сооружение памятника Белинскому и Добролюбову и на благотворительные цели, принадлежит молодому поколению студентов. Эта мысль нашла сочувствие в г-не Ровинском, кандидате здешнего университета, недавно возвратившегося из-за границы... Первый вечер открылся чтением г-на Ровинского о Добролюбова (из "Современника", 1862, № 1), серьезное содержание этой статьи с прибавлением к ней чтения об Инсарове из "Накануне" г. Тургенева произвело на слушателей сильное впечатление, и хотя публика не наградила чтеца аплодисментами, однако, каждый слушатель был благодарен г. Ровинскому за этот выбор статьи". На пути в Казань из славянских стран П. А. Ровинский посетил Петербург и конечно встречался там с Н. Г. Чернышевским и студентами Петербургского университета.

В это время активные деятели студенческого движения в Петербурге готовились к открытию в Городской думе "вольного университета". К чтению лекций в этом университете были привлечены Н. И. Костомаров, И. Я. Горлов, Д. И. Менделеев, С. А. Советов, А. Н. Бекетов и другие. "Недостаточные из бывших студентов" должны были обращаться за билетами к А. Герду, В. Гогоберидзе, С. Ламанскому, Л. Пантелесеву, В. Печаткину и Н. Утину.

Сбор средств для студентов быстро увеличивался и деятельность учащейся молодежи при Литературном фонде также. В связи с этим 1 февраля 1862 г. Е. П. Ковалевский обратился к новому министру народного просвещения А. В. Головнину с просьбой разрешить открыть при Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым специальное отделение для сбора средств и их распределения среди учащейся молодежи.

"Имею честь, — писал Е. П. Ковалевский, — препроводить на усмотрение Вашего превосходительства письмо ко мне нескольких молодых людей преимущественно из учащихя и учащихся. Долгом постав-

ляю присовокупить к нему свое мнение: в настоящее время собирается довольно значительная сумма денег этими молодыми людьми для бедных учащихя и такая помощь последним необходима, без нее едва ли могли они существовать, потому что ни Общество для пособия литераторам, ни правительство не в состоянии вполне обеспечить их. Но эти суммы собираются и распределяются без правильной отчетности, без проверки со стороны жертвователей, потому что те, которые собирают эти пожертвования, не имеют права отдавать отчет в распределении денег и самые действия их происходят вне всякого сведения со стороны правительства, а потому казалось бы вполне естественно присоединить к какому-либо правительственному учреждению и всего ближе к Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым, находящимся под непосредственным ведением Вашего превосходительства и, между прочим, имеющему отчасти целью заботиться о воспитывающихся молодых людях..." [34, ф. 438, № 11, л. 53].

Это обращение было одним из важных мероприятий, проведенных Е. П. Ковалевским накануне выхода его по жребию из состава комитета¹.

11 февраля 1862 г. Е. П. Ковалевский, отчитываясь о работе комитета, говорил о росте доверия к Обществу, выразившемся в том, что к нему решили присоединиться и учащиеся. "Остаюсь в том убеждении, — сказал Егор Петрович, — что Общество, не упуская из виду главную свою цель — удовлетворение нужд бедных литераторов и ученых, должно иметь и важное нравственное значение. Действительно, кто может ближе знать людей из среды литераторов, ученых, учащихя, как не комитет Общества?"

К кому, следовательно, могут скорее всего обратиться отцы семейств для выбора наставников, учителей для детей? К кому может всего удобнее обратиться правительство для выбора редакторов своих ученых изданий, своих журналов, для отыскания исполнителей различных ученых предприятий, как не к комитету Общества, действующему добросовестно и имеющему в виду одну цель — пользу самого дела?

К кому могут обращаться литераторы, ученые, учащиеся не только для пособия, но и в других случаях жизни, для разрешения взаимных недоразумений, несогласий, для совета по различным ученым предприятиям, как не к лицам, ими самими избранными и составляющими комитет?" Е. П. Ковалевский высказал уверенность, что Общество воскресных школ тоже присоединится к Литературному фонду и "круг его деятельности будет все более и более расширяться" [25, 27 февраля 1862 г.].

¹ По уставу Литературного фонда каждый год из состава комитета выбывало по два человека, взамен которых выбирались новые члены. В первые годы выбывали по жребию, а потом стали выбывать по очереди.

Ревизионная комиссия предлагала привлечь членов Общества к активному участию в его делах, возбуждать и вызывать прения по спорным вопросам, вызывать членов Общества "словесно, в собраниях и посредством печати" заявлять свои неудовольствия на сделанные комитетом распоряжения, посредством печати придать действиям комитета широкую гласность, и критическим разбором деятельности комитета вызвать полезную полемику.

Вместе с Е. П. Ковалевским из состава комитета в феврале 1862 г. выбыли Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, Е. И. Ламанский, А. В. Дружинин. Вновь были избраны: председателем комитета Г. А. Щербатов, секретарем В. П. Гаевский и казначеем востоковед И. Н. Березин. В состав комитета вошли также: Н. А. Некрасов, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин и А. П. Заболоцкий-Десятовский. В связи с уходом Е. П. Ковалевского комитет постановил: в воспоминание председательства Егора Петровича и в знак благодарности за оказанные им Обществу услуги открыть имени его подписку на стипендии для детей литераторов и ученых "недостаточного состояния", выставить в зале его портрет и просить присутствовать на заседаниях комитета.

В феврале 1862 г. на заседании комитета вновь обсуждался вопрос об организации чтений лекций Н. Г. Чернышевского в течение Великого поста. Н. А. Некрасову, П. Л. Лаврову и С. С. Дудышкину было поручено организовать эти лекции в зале Бенардаки. "Для доставления недостаточным людям" возможности посещать эти лекции было решено снизить цены на входные билеты. Но рукопись Н. Г. Чернышевского не была разрешена цензурой, и потому чтение не состоялось. В летописи Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым по поводу этого было написано, что в 1862 г. "не состоялось одно чтение за неразрешением прочесть подготовленную рукопись" [23, с. 40].

2 марта 1862 г. в Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым состоялся большой литературно-музыкальный вечер для сбора средств в пользу бедных студентов и поэта-революционера М. И. Михайлова, посланного 15 декабря 1862 г. на каторгу в Сибирь.

На вечере Н. Г. Чернышевский читал "Знакомство с Добролюбовым", Ф. М. Достоевский отрывки из "Мертвого дома", Н. А. Некрасов и В. С. Курочкин стихотворения из Беранже, профессор П. В. Павлов прочел лекцию на тему "Тысячелетие России". В заключение Г. Венявский, А. Г. Рубинштейн и М. И. Глинка исполнили свои произведения. Концерт-чтение дал небывалый сбор, более двух тысяч рублей. По желанию распорядителей вечера А. А. Серно-Соловьевича и Н. А. Тиблена половина сбора была передана ими для "раздачи по их усмотрению".

В секретном донесении по поводу вечера князь В. А. Долгоруков писал: "В минувшем году литераторы предлагали свое ручательство и за невиновность арестованного Михайлова, который несмотря на избличение в его преступлении государственном, по-видимому, и ныне еще близок их сердцу, ибо доход с литературного вечера 2 марта, простиравшийся до 2400 рублей, предначался, по дошедшим сведениям, в пользу его, Михайлова" [22, с. 14].

Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях писал, что выступление П. В. Павлова вызвало бурный восторг в зале. В это время к сидевшим за сценой Н. А. Некрасову и Н. В. Шелгунову прибежал "взволнованный Егор Петрович Ковалевский и, обращаясь к нам, — писал Шелгунов, — говорит: — Удержите его, удержите! Завтра его сошлют! Назавтра пророчество Ковалевского сбылось, в двенадцать часов дня Павлов уехал с провожатым в Кострому" [33, с. 187].

Вскоре А. И. Герцен в "Колоколе" опубликовал заметку о событиях, последовавших за чтением-концертом. Революционный демократ П. В. Павлов, доктор исторических наук, политической экономии и статистики был организатором первых в России воскресных школ. Он был арестован и сослан за то, что закончил свою лекцию следующими словами: "Россия стоит теперь над бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения, к сближению с народом, имеющий уши слышать, да слышит".

После ареста П. В. Павлова министерство народного просвещения установило новые правила для проведения литературных вечеров, по которым вводилась строгая цензура лекций, читаемых в Литературном фонде. 14 марта 1862 г. комитет специально занимался обсуждением этих правил. На заседании присутствовал Н. Г. Чернышевский, который рекомендовал в члены Общества М. Д. Поздняка.

В это время революционные демократы часто обращались в Литературный фонд с просьбами о помощи. 28 марта 1862 г. Н. А. Серно-Соловьевич, соратник Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена, писал в Литературный фонд, что П. П. Пятковский, переведивший книгу "Теория финансов" Прудона "крайне нуждается в средствах существования". Через два дня П. П. Пятковскому было выдано пособие. 12 апреля 1862 г. Н. Г. Чернышевский сообщил о тяжелом положении родственника В. Г. Белинского, которому была оказана материальная помощь.

Наконец, после долгих колебаний, правительство разрешило открыть отделение для помощи учащейся молодежи. 29 апреля 1862 г. А. В. Головин, министр народного просвещения, писал Е. П. Ковалевскому: "Надеюсь, почтеннейший Егор Петрович, что Ваше желание исполнено во время и что Вы получили уже проект устава Вашего отделения. Имейте, пожалуйста, в виду, что после сегодняшнего собра-

ния мне необходимо получить полный именной список учредителей, всех членов отделения и лиц, которые будут сегодня избраны в комитет. Мне нужно будет также получить план действий комитета, чтобы послать ему некоторую сумму от министерства просвещения" [34, ф. 356, № 183, л. 27].

Истинные мотивы, которыми министерство руководствовалось давая подобное разрешение, были опубликованы А. И. Герценом в "Колоколе". А. И. Герцен также опубликовал список членов комитета для пособия нуждающейся молодежи. "Сегодня, — писал министр народного просвещения А. В. Головин шефу жандармов В. А. Долгорукову, — я докладывал государю прилагаемый список и теперь препровождаю оный Вашему сиятельству, надеюсь на днях доставить более полный и подробный. Это — состав комитета, избранного в прошлое воскресенье отделением для пособия учащимся. В нем находятся люди, говорят, умные, но самые КРАЙНИЕ. Президентом они выбрали сенатора Ковалевского, и у него на дому уже было два заседания, как он удостоверяет, весьма приличные. Польза этого учреждения следующая: 1) прежние тайные сборища заменены гласными; 2) постановления комитета и расходы известны. Ведутся протокол и расходные книги; 3) студенческая касса передана казначею Общества; 4) известны имена всех, принадлежащих к этому разряду лиц; 5) устроен громоотвод от университета, ибо члены отделения уже не будут действовать как студенты, и, вероятно, оставят университет в покое, а это и нужно, чтоб не мешать другим учиться; 6) Ковалевский, имея на этих лиц большое влияние, будет удерживать их от крайностей" [9, с. 325—326].

25 апреля 1862 г. новый председатель комитета Литературного фонда Г. А. Щербатов попросил Е. П. Ковалевского "открыть действия" отделения для помощи учащимся, а через 3 дня уже состоялось первое общее собрание нового отделения; на нем присутствовало 100 человек. На собрании был утвержден устав отделения, составленный племянником Егора Петровича — П. М. Ковалевским, и избран комитет, в состав которого вошли активнейшие деятели организованного в 1861 г. тайного общества "Земля и воля": Н. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, Е. П. Печаткин, В. Г. Гогоберидзе, Н. И. Корсини, А. А. Жук, П. Ф. Моравский, М. А. Богданов, Ф. Дозе, М. С. Гулевич, С. Гудебский. Кандидатами были избраны: С. Ламанский, Фан-дер-Флит, Н. Г. Чернышевский, Хорошевский, Герд и М. Островский, секретарем комитета В. Г. Гогоберидзе. Председателем и казначеем по уставу нового отделения состояли те лица, которые занимали эти должности в комитете Литературного фонда. Ввиду того, что с 9 мая 1862 г. по 13 сентября этого же года Е. П. Ковалевский заведовал делами Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, то он и возглавил новое отделение.

25 апреля 1862 г. произошло слияние отделения для помощи учащимся с временной студенческой кассой, созданной в Петербургском университете в период студенческих волнений в октябре 1861 г.

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал, что учредители отделения для помощи учащимся хотели избрать Н. Г. Чернышевского членом комитета. Но он категорически отказался, мотивируя свой отказ тем, что его избрание могло привлечь "ненужное внимание начальства к отделению" [21, с. 227]. Н. Г. Чернышевского избрали кандидатом в члены комитета. Это не помешало ему принимать самое активное участие в работе комитета. В своих воспоминаниях он писал, что тех членов комитета студентов, которые были в нем руководящими людьми, видел в те дни часто. Такое внимание к деятельности комитета отделения для помощи бедным студентам, по свидетельству Н. Николадзе, объясняется тем, что Н. Г. Чернышевский "придавал огромное значение студенческому движению в том смысле, что рассчитывал на безостановочность пропаганды студентов в среде, в которую они попадут после окончания курса".

Первое заседание комитета для помощи учащимся состоялось в понедельник 2 мая 1862 г. под председательством Е. П. Ковалевского у него на квартире, в доме Кочубея, на Мойке, у Певческого моста. На заседании присутствовали: востоковед И. Н. Березин, М. А. Богданова, В. Л. Гогоберидзе, М. С. Гулевич, С. Р. Издебский, Н. И. Корсини, П. Ф. Моравский, Н. А. Серно-Соловьевич, Л. Ф. Пантелеев, Е. П. Печаткин и Н. И. Утин.

Е. П. Ковалевский сообщил о средствах, поступивших из временной студенческой кассы и от членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Комитет вынес важное решение: "1) обратить особенное внимание на доставление нуждающимся молодым людям возможности самим зарабатывать себе средства к существованию и для этой цели публиковать в газетах, что нуждающиеся в учителях и учительницах, гувернерах и гувернантках, также в переводчиках и управляющих домами и пр., могут обращаться в комитет, который по возможности добросовестно будет исполнять их требования; 2) обратиться ко всем сочувствующим положению недостаточных учащихся, с просьбой о содействии цели отделения пожертвованиями, так и постоянными взносами, лиц, которые желают быть членами-соревнователями отделения" [25, 10 мая 1862 г.].

На втором заседании комитета отделения для помощи бедным учащимся присутствовали все те, кто был на первом заседании, кроме Л. Ф. Пантелеева, вместо него был М. С. Островский. На заседании комитета было доложено о поступивших средствах; было решено выдать пособия 39 лицам, 7 лицам было отказано в пособии, о 6 лицах членам комитета было поручено собрать более подробные сведения.

"Вследствие убеждения, что мелочные пособия, при всей значительности общей суммы выдаваемых пособий, не вполне достигли цели, — комитет пришел к выводу, что одним из существенных средств к выполнению назначения отделения было бы доставление молодым людям возможности иметь дешевые квартиры и стол". Одному из членов комитета было поручено составить проект "об артельных квартирах и артельном столе".

На третьем заседании комитета отделения для помощи учащимся Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Е. П. Ковалевский сообщил сведения о собранных средствах. 250 рублей было собрано в четвертой и шестой артиллерийских бригадах. Комитет постановил выдать пособие 22 лицам; четырем было отказано в пособии, о троих было решено собрать более подробные сведения. Одному больному было выдано 60 рублей, другому 150 рублей для поездки на кумысное лечение в Самарскую губернию. Активное участие в работе комитета принимал врач П. И. Боков², который присутствовал на заседаниях, чтобы "оказывать содействие в случаях, требуемых помощи доктора". Члены комитета горячо благодарили П. И. Бокова за его "готовность разделять труды комитета".

На этом заседании Е. П. Ковалевский довел до сведения членов комитета о том, что неизвестный автор прислал проект основания школы "для среднего класса". Для его рассмотрения была избрана особая комиссия. Затем был прочитан "проект об артельных квартирах и артельном столе для нуждающихся учащихся". Было решено отдать проект на суд публики и напечатать в газетах. Можно предположить, что эти проекты были написаны друзьями Н. Г. Чернышевского и впоследствии были использованы как материал для написания романа "Что делать?".

28 мая 1862 г. состоялось четвертое заседание комитета, на котором присутствовали: В. П. Гогоберидзе, М. С. Гулевич, С. Р. Издебский, Н. И. Корсини, П. Ф. Моравский, М. А. Островский, Е. Н. Печаткин, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин. Е. П. Ковалевский сообщил о средствах, поступивших в отделение. Лукин из Муромы и Власов из Тверской губернии обратились в комитет с просьбой рекомендовать им на летний период учителей. Комитет рекомендовал студентов Николая Валуева и Кудиновича, исключенных из университета и находившихся под надзором полиции.

По просьбе Е. П. Ковалевского петербургский генерал-губернатор князь Суворов освободил их из-под надзора. На следующий день они были арестованы за распространение в казармах прокламаций. Оба

² П. И. Боков (1835—1915) — друг и последователь Н. Г. Чернышевского. Привлекался к суду по делу о революционной организации "Великорусс". Послужил Н. Г. Чернышевскому прототипом образа Лолухова в романе "Что делать?".

они были связаны с вожаком студентов Алексеем Яковлевым, который 10 мая 1862 г. был арестован и осужден на каторжные работы за распространение среди солдат "Колокола".

4 июня 1862 г. состоялось пятое заседание комитета. Было принято пожертвований на сумму 50 рублей, выдано пособий 16 лицам. Впоследствии агент Третьего отделения В. В. Александрова писала в доносе, что ей было известно о том, что "существовала когорта праздновавшая молодежи, ходившая по России с целью нарушения существующего порядка в России. Содержалась она на средства, собираемые 2-м отделением Литературного фонда, где люди революционного направления успели свить гнездо" [15, с. 61].

7 июня 1862 г. министр внутренних дел П. Валуев сообщил управляющему Третьим отделением следующее: "Сегодня решено, что университет не будет открыт, кроме математического факультета, воскресные школы закрыты по всей империи до преобразования их, отделы помощи студентам будут закрыты и журналы "Современник" и "Русское слово" приостановлены на 8 месяцев" [22, с. 36].

11 июня 1862 г. министр народного просвещения А. В. Головнин писал Е. П. Ковалевскому: "Государь император, 10 сего июня высочайше повелеть соизволил: ныне же закрыть учрежденное при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым особое отделение для вспомоществования учащимся, поручив комитету, управляющему делами означенного отделения, передать в ведение Общества все имеющиеся денежные суммы" [34, ф. 356, № 183, л.2].

В этот же день состоялось последнее шестое заседание комитета отделения для помощи учащимся. Объявив комитету о закрытии, Е. П. Ковалевский сказал: "«Не думал я, господа, что на старости лет окажусь во главе тайного общества». «Что вы, что вы, Егор Петрович, да разве тайное общество устроилось бы с гласным комитетом, и таким же списком членов? Это только пустой предлог». «И я то же думаю», — добродушно отвечал Ковалевский" [21, с. 227].

Л. Ф. Пантелеев не случайно приводит этот эпизод в своих воспоминаниях. Основная часть петербургской организации "Земля и воля" состояла из членов комитета отделения для помощи учащимся.

В связи с закрытием отделения Н. И. Утин, Н. Н. Серно-Соловьевич, Н. Моравский, Е. Печаткин, С. И. Издебский, В. Гогоберидзе выразили искреннюю благодарность председательствовавшему в комитете Евг. Ковалевскому, который так "живо принял к сердцу истинные интересы просвещения, посвящал труд и время частным целям отделения, горячо содействовал облегчению тягостной участи сотен бывших студентов, теперь пролетариев, и в короткое время снискал наше безграничное доверие и уважение. Мы смело можем заявить убеждение,

что все члены отделения разделяют высказанные здесь чувства Егору Петровичу" [20, с. 92].

Обещанную сумму денег — тысячу рублей министерство просвещения пожертвовало уже после закрытия отделения. Во всех газетах было опубликовано объявление о закрытии отделения с просьбой доставить на квартиру заведующему временно делами Общества Е. П. Ковалевскому подписные листы и собранные деньги.

В объявлении указывалось, что с 14 октября 1861 г. до 29 апреля 1862 г. в Петербургском университете существовала временная студенческая касса, в которую поступило 15886 рублей. Из этой суммы на единовременное пособие 364 лицам было израсходовано 12410 рублей, на покупку одежды было выдано 2757 рублей. "Студенты университета постоянно заботились об участии своих товарищей, из которых многие погибли бы от нищеты без их пособия".

Деньги, оставшиеся от студенческой кассы, были переданы в отделение для пособия бедным учащимся, а после закрытия его в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Закрытие отделения, как отмечалось в истории Литературного фонда, имело печальное последствие. "Часть публики, под влиянием тогдашних происшествий, отвернулась от Общества или стала смотреть на него косо".

К. Д. Кавелин писал, что благодаря этому отделению "блестящая служебная карьера Егора Петровича была окончательно испорчена".

Вскоре после закрытия отделения для помощи бедным учащимся были арестованы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич. В материалах процесса над Н. Г. Чернышевским указывается, что внимание правительства было обращено на Чернышевского после беспорядков, происходивших в С.-Петербургском университете. Непосредственным предлогом ареста Н. Г. Чернышевского послужило письмо Н. П. Огарева Н. А. Серно-Соловьевичу, задержанное III-м отделением, на котором А. И. Герцен сделал приписку: "Мы готовы издавать "Современник" здесь с Чернышевским или же в Женеве — печатаем предложение об этом" [22, с. 80].

После ареста Н. А. Серно-Соловьевича А. И. Герцен в "Колоколе" писал, что "человек этот был так чист, что даже "Московские ведомости" не обругали его, не донесли на него во время следствия, не сделали намека, что он поджигатель и вор. Это был один из лучших весенних провозвестников нового времени в России" [26а, с. 329]. Организация отделения для помощи бедным учащимся почти совпала с организационным периодом тайного общества "Земля и воля", возникшего в кругу революционных демократов близких к "Современнику". И в той, и в другой организации активное участие принимали Н. Г. Чернышевский, братья Серно-Соловьевичи, Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, А. А. Слепцов и др. Это вызвало подозрения у

правительства, закрытие отделения для помощи бедным учащимся и аресты. Общество "Земля и воля" пыталось использовать легальные возможности отделения для развертывания пропаганды революционных идей среди молодежи и как материальную базу.

Надежды министра народного просвещения А. В. Головнина на то, что отделение для помощи бедным учащимся станет "громоотводом" от университета и "тайные общества" будут заменены "гласными", а Е. П. Ковалевский будет удерживать исключенных из университета студентов от "крайностей", не оправдались. Правительство закрыло это отделение и стало преследовать его организаторов.

2 мая 1863 г. член Центрального комитета Общества "Земля и воля" и член комитета Отделения для помощи учащимся при Литературном фонде Н. И. Утин, предупрежденный об аресте, совершил побег за границу. Из России он отправился в Турцию, а оттуда в Лондон.

15 августа в "Колоколе" было опубликовано письмо Н. И. Утина в комитет Общества "Земля и воля". "Прибыв, наконец, в Англию, — писал он, — считаю первым главным своим делом уведомить печатно комитет Общества "Земля и воля" об успешном исходе моего путешествия, длящегося так долго благодаря моей случайной тяжелой болезни. Благодарю публично комитет за своевременное предупреждение меня о грозившей опасности; благодарю за снабжение меня всем нужным для выхода из России, за средства, как денежные, так и все другие, за пути, которые мне были указаны.

Комитет ко мне выказал все то бдительное внимание, с которым он относился к каждому из близких к нему, хотя бы близость заключалась в одной и той же ненависти к царскому правительству. Считаю нужным также заметить для сведения комитета, что все лица, к которым я должен был обращаться во время своего пути по указанию комитета, вполне оправдали его доверие" [26а, с. 455].

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал, что организацией побега Н. И. Утина за границу занимался выдающийся член Общества "Земля и воля" П. А. Ровинский, который в конце 1862 г. переехал в Петербург. "По совету П. А. (Ровинского), — писал Пантелеев, — решено было отправить Утина на юг России и там из какого-нибудь порта препроводить за границу. Эту операцию взял на себя П. А. и благополучно выполнил ее".

В начале июля 1862 г. Е. П. Ковалевский выехал в Баден-Баден для лечения, так как здоровье его резко ухудшилось. 7 (19) июля он был в Карлсруэ, где встретился с К. Д. Кавелиным и Б. И. Утиным. Е. П. Ковалевский рассказал К. Д. Кавелину о петербургских новостях: о прокламациях, поджогах, недружелюбном отношении правительственных сфер к прессе и литературе, об успехах революционного движения в Польше [16, с. 39].

В июле 1862 г. Е. П. Ковалевский в Лондоне встретился с А. И. Герценым. Дело "о лицах, заподозренных в сношениях с изменником Герценым", начинается запиской агента охранки, в которой написано следующее: "На прилагаемом листочке записаны мной имена нескольких лиц, которые по сведениям, полученным в Лондоне, слушают корреспондентами Герцена. 27 июля". Агент сообщает, что Герцена в Лондоне посещали: Ковалевский, Владимир Стасов, Сергей Боткин, Писемский, Николай Жемчужников, Загоскин, Федор Достоевский, Рубинштейн "брат Антона".

Для того, чтобы выяснить, какой именно Ковалевский посетил в 1862 г. А. И. Герцена, III отделение потребовало список лиц, которым в 1861—1862 гг. были выданы заграничные паспорта. Среди таковых оказалось три Ковалевских: Оскар, Юлиан и Петр. В августе 1862 г. во многих заграничных газетах был опубликован список лиц, которые "должны быть арестованы по возвращению в Россию". Среди других в списке были и упомянутые выше Ковалевские. Оскар и Юлиан категорически отвергли обвинения в посещении Герцена и полностью оправдались.

Вскоре в III отделение поступило новое донесение, в котором указывалось, что "по дошедшим сведениям нижепоименованные лица подозреваются в сношениях с Герценым и распространении возмутительных сочинений: Егор Ковалевский и Голубь, помещики Ахтырского уезда Харьковской губернии". Но III-му отделению так и не удалось напасть на след Егора Петровича, может быть это произошло потому, что для III-го отделения сенатор Е. П. Ковалевский был вне подозрения.

2 февраля 1863 г. Е. П. Ковалевский в третий раз был избран председателем Литературного фонда, секретарем избрали Ф. М. Достоевского³. С этого времени связь между Ф. М. Достоевским и Е. П. Ковалевским становится более тесной и переходит почти в дружбу, которая продолжалась до самой смерти Е. П. Ковалевского.

Обсуждение итогов деятельности Общества за 1862 г. происходило 10 марта 1863 г. Член ревизионной комиссии Б. И. Утин в докладе отметил, что "задача комитета в минувшем году была нелегкой". К литературным чтениям "можно было прибегать несравненно реже, чем в прошлые годы". Журналист Г. Скарятин предложил внести изменение в 20 параграф устава Литературного фонда, согласно которому новых членов комитета предлагает сам комитет. "При теперешнем порядке в избрании новых членов комитета, — сказал он, — какая-нибудь лите-

³ Протоколы заседаний комитета Литературного фонда, написанные Ф. М. Достоевским, в 1987 г. опубликовала Т. И. Орнатская [19].

ратурная партия, раз засевавшая в него, легко могла предлагать в члены исключительно своих сторонников".

О какой литературной партии, засевавшей в комитете, говорил Скарягин? С конца 1859 до начала 1862 г. членом комитета был Н. Г. Чернышевский. В 1862 г. вместо него был избран Н. А. Некрасов. А в 1863 г. вместо Н. А. Некрасова был избран А. Н. Пыпин.

"О партии Чернышевского и Некрасова", господствовавшей в Литературном фонде, позднее писал и М. П. Погодин. Предложение Скарягина было отвергнуто.

10 апреля 1863 г. в зале Благородного собрания состоялся музыкально-литературный вечер Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Сбор средств предназначался в пользу студентов Медико-хирургической академии. На вечере выступили: В. С. Курочкин, В. В. Крестовский, Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский. В архиве Литературного фонда сохранился отчет об этом вечере в форме доноса, в котором указывается, что во втором отделении В. В. Крестовский прочел два стихотворения: "Сгон земли" и "Полосу". "В первом стихотворении поэт рисует картину земли, УПИТАННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРОВЬЮ И ПОЛИТОЙ КРЕСТЬЯНСКИМИ СЛЕЗАМИ, и молит, чтобы на ней выросла наконец свобода. Во втором, представив полосу, запущенную, он задумывается, отчего она заброшена. Запил ли мужик или умер с горя? Иль быть может и то: в кандалах по Владимирке пахаря гонят; ЗА ШИРОКИЙ И ВОЛЬНЫЙ РАЗМАХ БОГАТЫРСКУЮ СИЛУ ХОРОНЯТ. И снова рукоплескания, снова вызовы и повторения "Полосы" [34, ф. 438, № 12, л. 194—196].

Автор отчета-доноса приходит к выводу, что "подобные литературные вечера в случае невозможности или неудобства запрещать их, должны быть допускаемы гораздо реже".

После расправы с вождем революционной демократии Н. Г. Чернышевским и его товарищами начался поход реакции против демократии. В это время моральная и материальная поддержка Литературного фонда была особенно важна. В мае 1863 г. Н. А. Некрасов просил Е. П. Ковалевского оказать материальную помощь писателю М. А. Воронову, ученику Н. Г. Чернышевского. 6 мая 1863 г. комитет постановил выдать М. А. Воронову 125 рублей. 7 октября 1863 г. Н. А. Некрасов опять просил Е. П. Ковалевского об оказании помощи. На этот раз — матери писателя Н. Г. Помяловского.

В 1863 г. известный историк, впоследствии академик П. П. Пекарский обратился к Е. П. Ковалевскому с просьбой защитить его от преследований царских чиновников за помощь, оказанную им в свое время ссыльному поэту М. Л. Михайлову. "Когда в 1861 г. отправили Михайлова в ссылку, то я писал в Тобольск к одному товарищу сво-

ему по университету Андронникову оказать Михайлову, с которым вместе росли, возможное участие в его судьбе".

Письмо П. П. Пекарского вместе с делом Андронникова было представлено на рассмотрение Первого департамента Сената. "Пример Афанасьева, — писал Пекарский, — скромного труженика, занимавшегося изданием народных сказок, у меня перед глазами: прежде удостоверения о его невинности, ему дали отставку без прощения... Что мне останется делать, если и меня, без дальних справок, лишат места? Я привык к серьезной деятельности, к журнальной срочной работе не способен, а с замаранным формуляром меня никуда не примут. У меня нет никакой поддержки, никаких милостивцев, и в таком то положении я ничего не мог придумать, как передать эти обстоятельства Вашему превосходительству" [34, ф. 356, № 300, л. 12].

Прогрессивная деятельность Литературного фонда вызвала враждебное отношение не только со стороны правительства, но и реакционных литераторов. "Деятельностью вашего общества, — писал М. П. Погодин Е. П. Ковалевскому в ноябре 1863 г., — (между нами), я был недоволен и видел в нем действие партии в Петербурге господствовавшей..." В письме от 31 декабря 1863 г. М. П. Погодин уже более определенно пишет о господствовавшей в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым партии. "Московские, сколько мне случалось слышать, приписали Петербургское общество партии Чернышевского и Некрасова, которые делают, что хотят..."

Нападки на Литературный фонд вынудили Е. П. Ковалевского уйти с поста председателя комитета. В отчете об общем собрании членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым от 2 февраля 1864 г. сообщалось, что Е. П. Ковалевский "по собственному желанию сложил с себя звание председателя, после продолжительных и усердных трудов на пользу Общества, которое в лице присутствующих выразило ему свою полную признательность" [25, 4 июля 1864 г.].

Председателем комитета был избран барон М. А. Корф, членами его П. П. Пекарский, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, приехавший в Петербург в связи с вызовом его в Россию для объяснений о своих сношениях с русскими эмигрантами. 31 января 1864 г. сенат закончил разбирательство дела И. С. Тургенева, и ему было разрешено жить за границей.

2 февраля 1864 г. Е. П. Ковалевский выступил с речью, в которой призвал усилить средства Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. "Основанием нашего Общества, — сказал он, — должны служить проценты с труда литературного и ученого. Пусть каждый из нас обяжется с каждой книги, с каждой статьи, с каждого листа вносить известный процент в кассу Общества, но пусть это обязательство будет действительно обязательством, пусть оно сделается

насушной потребностью, без которой никто не должен браться за перо" [25, 15 февраля 1864 г.].

Член ревизионной комиссии Б. И. Утин указал на большие финансовые трудности Общества, которые объяснялись отчасти запрещением правительства проводить литературные чтения. На собрании было вынесено решение: вместо "частных и маловажных пособий", которые выдавались бедным учащимся, "постоянно и ежегодно платить в университет за 10 неимущих воспитанников".

Скоро М. А. Корф отказался от обязанностей председателя, и Е. П. Ковалевский по просьбе Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. Н. Пыпина, Б. И. Утина, В. П. Гаевского и А. Д. Галахова согласился вновь возглавить комитет Литературного фонда.

11 февраля 1864 г., двоюродный брат Н. Г. Чернышевского — А. Н. Пыпин сообщил Е. П. Ковалевскому, что В. А. Слепцов желает участвовать в литературных чтениях. Е. П. Ковалевский сразу написал В. А. Слепцову приглашение. В Институте русской литературы (Пушкинском доме) в Ленинграде сохранилась записка В. А. Слепцова, являющаяся ответом на это приглашение. "Я никак не виновен, уважаемый Егор Петрович, — писал В. А. Слепцов, — что до сих пор не ответил на Вашу бумагу. Она лежала в конторе "Современника" до вчерашнего вечера, и только вчера поздно вечером я ее получил. Очень жалко, что не могу Вас видеть. Мне бы хотелось посоветоваться относительно того, что читать. Кроме этого, еще нужно бы условиться, кому после кого читать. Для меня это очень важно. Мне сказали, что через 2 часа я могу застать Вас. Теперь 2, а потому в 4 я опять зайду" [35].

18 февраля 1864 г. в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым состоялся большой литературный вечер под председательством Е. П. Ковалевского. Непосредственным организатором вечера был друг Е. П. Ковалевского — петрашевец А. И. Пальм, а участниками его: Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, В. А. Слепцов. И. С. Тургенев читал повесть "Призраки", а В. А. Слепцов рассказ "Питомка".

10 марта устроили еще один литературный вечер, в котором участвовали М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, В. Г. Бенедиктов и другие. Газета "Голос" обвинила Литературный фонд в том, что участники этого вечера читали уже опубликованные произведения. Е. П. Ковалевский опроверг это и пояснил, что из шести произведений были напечатаны только два.

Весной 1864 г. Е. П. Ковалевский приступил к подготовке музыкального и литературного вечера, посвященного 300-летию со дня рождения У. Шекспира. В состав комитета по подготовке этого вечера

были привлечены выдающиеся артисты: М. П. Садовский, лучший исполнитель произведений У. Шекспира и его почитатель, В. В. Самойлов, который написал Е. П. Ковалевскому, что он "за особое счастье и честь считает участвовать в комитете, где будет составляться план торжеств покойного, но бессмертного Шекспира".

Вечер памяти У. Шекспира состоялся 23 апреля 1864 г. П. П. Пекарский прочел речь И. С. Тургенева, посвященную У. Шекспиру, затем с докладом "Шекспир в России" выступил А. Д. Галахов.

В начале 1864 г. в петербургских газетах началась дискуссия о деятельности Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

И. Говоров в "С.-Петербургских ведомостях" писал: "Одни говорят, что Литературный фонд падает, Литературный фонд при последнем издыхании, его погубили нигилисты". Другие говорят, что "Литературный фонд копит деньги и блаженствует, он равнодушен к бедствиям пишущей братии, в него засели все такие достопочтенные господа, что нельзя от него прока ждать". И. Говоров не согласился ни с тем, ни с другим обвинением. Главным недостатком Литературного фонда он считал его финансовую слабость и равнодушные многих членов к его деятельности [25, 6 февраля 1864 г.].

После этой статьи на Литературный фонд начались нападки со стороны газеты "Голос", редактируемой А. А. Краевским. Е. П. Ковалевский опроверг все нападки "Голоса", а П. В. Анненков 29 марта 1864 г. сказал, что Литературный фонд "всегда был доступен всякому истинному голосу нужды, откуда бы он не раздавался".

2 февраля 1865 г. Е. П. Ковалевский в пятый раз был избран председателем комитета Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым; членами комитета были избраны: Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов. Ф. М. Достоевский оставался членом комитета недолго и весной 1865 г. перестал посещать заседания комитета, и выбыл из его состава. На причинах выбытия Ф. М. Достоевского из комитета и его взаимоотношениях с Е. П. Ковалевским необходимо остановиться подробнее.

В начале июня 1863 г. в "С.-Петербургских ведомостях" было опубликовано сообщение о прекращении выхода в свет журнала "Время", который издавал Ф. М. Достоевский вместе со своим братом. Журнал был закрыт за то, что в четвертом номере была помещена статья "Рокковой вопрос" о польских делах, направленная "наперекор всем патристическим чувствам и заявлениям, вызванными здешними обстоятельствами, а тем вместе и всеми действиями правительства до них относящихся".

Ф. М. Достоевский оказался в очень тяжелом материальном положении. В связи с этим он обратился к Е. П. Ковалевскому с двумя письмами, последовавшими одно за другим. 20 июля 1863 г. он просил

снять с него звание члена комитета Литературного фонда, а 23 июля написал, что собирается отправиться на три месяца за границу для поправления здоровья и для совета с европейскими врачами-специалистами по палучей его болезни. Ф. М. Достоевский просил Е. П. Ковалевского ходатайствовать перед комитетом Литературного фонда о предоставлении ему ссуды в сумме 1500 рублей сроком до 1 февраля 1864 г.

24 июля 1863 г. Ф. М. Достоевский получил из Литературного фонда просимую сумму, с уплатой 5% годовых, и уехал за границу. В декабре 1863 г. он возвратил в Литературный фонд 1000 рублей, а в январе 1864 г. внес в кассу фонда еще 545 рублей, через своего брата М. М. Достоевского.

14—15 января М. М. Достоевский писал Федору Михайловичу: "Егору Петровичу еще не мог отдать твоего долга: три раза был у него (нынче два раза) и не заставал его дома. Авось завтра буду счастливец" [10, с. 545].

Весной 1864 г. Ф. М. Достоевский вновь обратился к Е. П. Ковалевскому с письмом, в котором решительно отказывался от звания члена комитета Литературного фонда. Вскоре после этого, в связи с тяжелой болезнью брата и смертью жены Марии Дмитриевны, он просил Е. П. Ковалевского исходатайствовать для него в комитете Литературного фонда вторично деньги займа в сумме 1500 рублей. Просьба Ф. М. Достоевского была удовлетворена.

В июле 1864 г. Ф. М. Достоевский хотел опять поехать за границу для лечения. Е. П. Ковалевский по просьбе писателя обратился к сотруднику русской миссии в Константинополе А. С. Энгельгарту оказать покровительство Ф. М. Достоевскому, в котором он уже некогда принимал горячее участие. "Вы крайне меня обяжете, — писал Егор Петрович, — если обставите его путешествие своим дружеским участием". Эта поездка Ф. М. Достоевского не состоялась в связи со смертью брата.

В 1865 г. Ф. М. Достоевский опять оказался в тяжелом материальном положении, вследствие запрещения издававшегося им журнала "Эпоха". В мае на заседании комитета Литературного фонда разбиралось письмо Достоевского о том, что "расстройство здоровья делает для него продолжение комитетских занятий невозможным. Комитет принял с сожалением это известие, которое положил довести до сведения Общества в годовом собрании" [25, 9 июня 1865 г.].

На 5 июня была назначена опись имущества писателя. 6 июня Ф. М. Достоевский писал Е. П. Ковалевскому: "Тяжелые обстоятельства принуждают меня еще раз прибегать к пособию Литературного фонда". 7 июня 1865 г. русскому писателю была оказана просимая материальная помощь. Вот что было написано по этому поводу в "С.-Пе-

тербургских ведомостях": "Комитет слушал письмо одного из заслуженных наших литераторов, который при тяжелой болезни, по непредвиденным обстоятельствам потерял свое последнее достояние, и поставлен в безвыходное положение. Председатель комитета, на имя которого адресовано означенное письмо, словесно представил комитету собранные им сведения, подтверждающие действительность означенного положения. Комитет, имея в виду, с одной стороны, весьма значительные заслуги и почетное имя означенного лица в нашей литературе, а с другой необходимость немедленного ему пособия, чтобы вывести его из настоящего безвыходного положения и тем дать ему возможность продолжать полезную для него и общества деятельность на литературном поприще, положил выдать ему 600 рублей" [25, 29 июня 1865 г.].

Следует отметить, что Е. П. Ковалевскому не легко было оказывать Ф. М. Достоевскому материальную помощь через Литературный фонд.

На годовом собрании 2 февраля 1864 г. ревизионная комиссия специально рассмотрела вопрос о том, имел ли право комитет давать ссуды. Докладывая об этом, П. В. Анненков сказал, что комиссия старалась найти решение, которое оградило бы комитет от "упреков в произволе и превышении власти, с одной стороны, недоброжелательстве и бездействии, с другой". Комиссия, в частности, занялась вопросом, имел ли право комитет выдать Ф. М. Достоевскому две ссуды в сумме 1500 рублей в 1863 и 1864 годах.

Ревизионная комиссия пришла к выводу, что комитет имел право выдавать срочные ссуды членам Общества нуждающимся литераторам и ученым, но члены комитета не имели права ни на ссуды, ни на пособия. Член ревизионной комиссии П. Л. Лавров сказал, что выдал Ф. М. Достоевскому две ссуды в 1863 и 1864 годах по 1500 рублей, комитет "превысил свою власть". Решение о выдаче ссуды Ф. М. Достоевскому было вынесено не единогласно, по незначительному большинству голосов. Повторная ссуда Ф. М. Достоевскому, по мнению П. Л. Лаврова, должна была встретить порицание, тем более, что "это лицо было в то же время членом комитета".

Признавая, что при выдаче ссуды Ф. М. Достоевскому, комитет руководствовался благородным стремлением и "убеждением в значительности литературных заслуг одного из лучших наших беллетристов 40-х и 50-х годов и действительною необходимостью ему" ссуды, П. Л. Лавров, однако, считал эти действия незаконными.

Отвечая П. Л. Лаврову, Е. П. Ковалевский сказал: "Было бы довольно странным отказывать в пособии литератору вполне заслуживающему этого пособия и по своим литературным трудам, и по положению, до которого он доведен случайными обстоятельствами, потому только, что он не желает принять это пособие БЕЗВОЗМЕЗДНО, обя-

зуюсь возвратить его в известный срок, и потому еще, что буква устава не ясна, такового осталась и после долгих прений.

Опыт показал, что обязательства эти исполняются в точности, а если бы и не исполнялись, то Общество ничего не теряет, потому что члены комитета обязаны уплатить недостающую сумму".

Ввиду того, что обвинение комитета в превышении власти вызвало недоверие к нему, Е. П. Ковалевский попросил поставить на голосование вопрос о доверии. П. Л. Лавров предложил поставить на голосование предложение: "Превысил ли комитет свою власть или нет?" Собрание решило голосовать предложение Е. П. Ковалевского: "Заслуживает ли комитет доверия?" В результате голосования: при 21 голосе "за" и 2 голосах "против" — собрание выразило комитету полное доверие [25, 20 мая 1865 г.].

В Летописи Литературного фонда отмечалось, что "самое большое денежное пособие было выдано известному писателю и объяснялось оно, как заслугами его, так и его безвыходным положением, грозившим лишить литературу одного из замечательных ее деятелей".

Е. П. Ковалевский высоко ценил талант Ф. М. Достоевского и деятельность его в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Каждый раз, когда Ф. М. Достоевский подавал заявление о выходе из комитета, чтобы иметь право на получение материальной поддержки в виде ссуды, Егор Петрович, как председатель комитета, отклонял его просьбу. Только в 1865 г. после замечаний ревизионной комиссии он согласился с уходом Ф. М. Достоевского из комитета.

Ф. М. Достоевский относился к Е. П. Ковалевскому с большим уважением и симпатией. Позднее он писал, что Е. П. Ковалевский "добрый и полезнейший был человек, так полезен, что может быть только по смерти его это совершенно почувствуется" [11, с. 145].

Положение арестованных Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича продолжало ухудшаться. 18 мая 1864 г. над Н. Г. Чернышевским был произведен дикий обряд "гражданской казни", и он был осужден на каторжные работы в Сибири.

19 мая, за день до отправления Н. Г. Чернышевского в ссылку, в Петропавловской крепости состоялось свидание Н. Г. Чернышевского с Е. П. Ковалевским. Генерал-лейтенант Анисимов сообщил коменданту крепости, что петербургский военный генерал-губернатор разрешил сенатору, генерал-лейтенанту Е. П. Ковалевскому "иметь в течение сегодняшнего дня свидание с бывшим титулярным советником Чернышевским". Свидание состоялось в 4 часа дня [31, с. 297].

В. Н. Никитин, служащий канцелярии петербургского обер-полицеймейстера И. В. Анненкова, в своих воспоминаниях писал: "по делу Чернышевского почти ежедневно ходил к Анненкову Е. П. Ковалевский, хлопотавший о разрешении свидания его жене и отцу, почтен-

ному на вид, седому протоиерею, приехавшему из Саратова. Хождения Ковалевского и протоиерея поражали многих сослуживцев: они решительно не в состоянии были понять, как сын такого отца мог совершить преступление (какое именно, никто решительно не знал), за которое его осудили на площади, и как генерал-лейтенант мог хлопотать за такого человека" [30, с. 42].

В феврале 1865 г. в комитете Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым по инициативе П. Л. Лаврова был поднят вопрос об оказании помощи Н. Г. Чернышевскому. Но К. Д. Кавелин помешал поставить этот вопрос на заседании комитета. Вот, что по этому поводу он писал Е. П. Ковалевскому: "Вести о Чернышевском крайне печальные. Он крайне безнадежно болен и находится в таком месте, где нет ни помещения, ни пищи, ни ухода, нужных для больного. В 50-ти верстах от теперешнего места его ссылки все это есть. Не можете ли Вы попросить князя Долгорукова, чтоб его перевели, несчастного, в это последнее место? Вопрос этот хотят предложить сегодня, в общем заседании старого и нового комитета и ревизионной комиссии Литературного фонда. Мне бы казалось это неловким, потому что вопрос совсем не комитетский. Но тем энергичней, тем сильней можно и должно просить об этом снисхождении к несчастному Чернышевскому частным образом и никто лучше и успешнее не в состоянии этого сделать, как Вы. И Ваше положение в Обществе и служба, и Ваш характер, так сказать литературного старосты, дают Вам полную возможность просить о смягчении страданий, может быть последних, человека, которого Вы знали. Просить Вас об этом нечего, потому что в такого рода делах никому не приходится побуждать Вас. Вы всегда сами слушаетесь Вашего доброго сердца, идете вперед всякой просьбы. Я только заявляю, что знаю о судьбе страдальца, о котором Вас будут просить сегодня вечером" [2, с. 175].

В это время Н. Г. Чернышевский находился в Кадаинском руднике Нерчинского горного правления. В сентябре 1866 г. он был переведен на Александровский завод; условия жизни, как он сам писал, улучшились по сравнению с тем, что было в Кадае. 28 октября 1866 г. срок каторги Н. Г. Чернышевскому был сокращен на одну треть, а в июне 1867 г. он был освобожден из острога с разрешением жить на вольной квартире.

Литературный фонд сделал попытку оказать помощь Н. А. Серно-Соловьевичу, который томился в Петропавловской крепости. 10 мая 1865 г. А. А. Серно-Соловьевич довел до сведения комитета о бедственном положении своего брата, арестованного по делу о "лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами". Н. А. Серно-Соловьевич был выдающимся революционным демократом, соратником Н. Г. Чернышевского. Он критиковал основные положения

крестьянской реформы 1861 г., когда был "отменен один призрак, уничтожено только название. Существо, права, последствия крепостного права остались" [26, с. 66].

Учитывая большие заслуги Н. А. Серно-Соловьевича в науке, в "особенности по финансовой части", комитет назначил ему пособие в сумме 300 рублей. Вот что было написано в "Санкт-Петербургских ведомостях" 10 мая 1865 г.: "Брат одного литератора, известного своими учеными статьями, преимущественно о финансах, своею издательской деятельностью, просит комитет оказать этому литератору пособие для излечения болезни, на что он не имеет никаких средств. Комитет постановил выдать 300 рублей".

Деньги были переданы петербургскому генерал-губернатору для последующего вручения, "если он признает возможным", Н. А. Серно-Соловьевичу. 24 мая 1865 г. на заседании комитета рассматривался один вопрос: о передаче петербургским генерал-губернатором денег Н. А. Серно-Соловьевичу. Сведения о помощи, оказанной этому ученому, были внесены в отчет Общества, который был передан министру народного просвещения Д. А. Толстому. 1 июня 1866 г., как писал Я. К. Грот, "министр, прочитав отчет, обратил особенное внимание на имя Серно-Соловьевича и надеется, что впредь в отчетах наших не будет встречаться подобных имен".

Так же как поэт М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич погиб в ссылке в 1866 г.

2 февраля 1866 г. издатель "Искры" В. С. Курочкин выступил на собрании Литературного фонда с предложением оказать помощь карикатуристу А. Ивлеву. Это предложение было горячо поддержано Е. П. Ковалевским, против выступил А. В. Никитенко, который питал враждебные чувства к этому журналу, и предложение В. С. Курочкина было отвергнуто.

Позднее в Юбилейном сборнике Литературного фонда сообщалось, что этот отказ в пособии "произвел в литературной среде впечатление, и даже некоторую досаду в одном из литературных кружков. В январе 1866 г. представитель этого кружка просил пособие умирающему молодому человеку, занимавшемуся составлением карикатур для юмористических журналов; но комитет затруднился причислить карикатуристов, по одним только надписям к карикатурам, к числу литераторов, имеющих по уставу право на пособие от Общества и перенес дело в общее собрание, которое тоже не признало карикатуристов имеющими право на пособие Общества" [23, с. 58].

На этом собрании Е. П. Ковалевский уже не был избран в члены комитета Литературного фонда, так как он по очереди выбывал из его состава. Председателем комитета был избран академик, филолог Я. К. Грот, который сразу обратился к Е. П. Ковалевскому с просьбой

разрешить собирать заседания комитета на квартире у Егора Петровича, чтобы члены комитета могли воспользоваться его советами и опытом. С февраля 1866 г. заседания комитета по-прежнему проходили в присутствии Е. П. Ковалевского, у него на квартире на Мойке, у Певческого моста.

В связи с официальным уходом Е. П. Ковалевского с должности председателя комитета, состоялось постановление общего собрания об объявлении Егора Петровича почетным членом и бессменным председателем комитета Литературного фонда.

Комитет обратился в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить внести в устав Общества дополнительные правила, связанные с учреждением должности почетного председателя. Этот вопрос рассматривался в комитете министров, который признал нежелательным учреждение должности почетного председателя, наделенного властью настоящего председателя, и предложил Обществу сделать другое представление, с учетом мнения комитета министров.

Такое решение комитета министров нельзя признать случайным. Деятельность Е. П. Ковалевского в Литературном фонде не нравилась правительству. Он организовал отделение для помощи бедным учащимся, которое сразу же было закрыто. Он рекомендовал на должность учителей студентов, которые были арестованы за распространение среди солдат прокламаций, и, наконец, он старался помочь революционным демократам: Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Серно-Соловьевичу, М. И. Михайлову, а за это правительство вообще хотело закрыть Литературный фонд.

Не занимая никакой должности в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Е. П. Ковалевский по-прежнему принимал активное участие в его работе. 18 марта 1866 г. он выступил на литературном вечере с чтением: "Политические деятели в царствование Александра I". В программе вечера были выступления Я. К. Грота "О значении университетского образования", П. П. Пекарского "О чародействе в России". Н. А. Некрасов читал "Девятую сатиру" из "Балета", Полонский отрывок из поэмы "Братья", а Ф. М. Достоевский отрывок из романа "Преступление и наказание". Литературный вечер прошел с большим успехом и дал значительный доход.

4 апреля 1866 г. в Петербурге произошло событие, имевшее самое непосредственное влияние на деятельность Литературного фонда. В этот день у Летнего сада студент Московского университета Каракозов совершил покушение на Александра II. До поступления в Московский университет он обучался в Казанском университете, откуда за участие в студенческих волнениях в 1861 г. был исключен и затем вновь восстановлен в 1863 г. В 1864 г. Д. В. Каракозов перевелся в Московский университет, где вскоре стал членом кружка Николая Ишутина,

своего двоюродного брата. В состав этого кружка входили также: Николай Странден, Дмитрий Юрасов, Максимилиан Загибалов, Вячеслав Шаганов, Петр Николаев, Орест Малинин, Максимилиан Маркс, Павел Маевский, Виктор Федосеев и другие, осужденные царским правительством после покушения на Александра II. 3 сентября 1866 г. Д. В. Каракозов был казнен.

После покушения на царя начался свирепый террор, который распространился и на Литературный фонд, из состава которого был арестован П. Л. Лавров. Лекции и литературные чтения почти полностью прекратились.

После покушения Д. В. Каракозова на Александра II Е. П. Ковалевский сразу уехал за границу, где встретился с русскими писателями и организовал за пределами России литературные чтения. В апреле 1866 г. И. С. Тургенев писал Е. П. Ковалевскому из Баден-Бадена, что на этих чтениях он прочтет "какую-нибудь статейку из "Записок охотника". Стихи непременно нужны" [27, с. 72].

12 апреля 1866 г. комитет Литературного фонда решил не возобновлять ходатайства об учреждении должности почетного председателя Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Ковалевский в это время находился за границей, а в "его отсутствие и без совещания с ним, — как указывалось в протоколе, — было бы неудобно предпринимать какие-либо решения по делу столь важному, которое ближайшим образом его касается". До новых выборов оставалось не более полугода, и комитет постановил подождать еще полгода, а "затем не будет никакого препятствия и при ныне действующем уставе ежегодно избирать его председателем Общества в течение трех лет сряду".

Во время пребывания за границей Е. П. Ковалевский часто встречался с И. С. Тургеневым, С. П. Боткиным, И. А. Гончаровым. Об этом писал И. С. Тургенев 12 июня из Баден-Бадена О. А. Новиковой. "Каждый день вместе завтракаем, гуляем за городом, сидим у развалин — все это по утрам". Вдали от родины Ковалевского живо интересовали дела Общества. В июне 1866 г. он получил письмо от П. В. Анненкова с сообщением об открытии в Саратове агентства. Агентом Общества был избран студент Казанского университета Л. С. Синцов.

По возвращению из-за границы 3 декабря 1866 г. Е. П. Ковалевский принял участие в литературном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Н. М. Карамзина, и прочел отрывок из своей книги "Граф Д. Н. Блудов и его время". На вечере также выступили: Н. И. Костомаров с чтением неопубликованной работы "Тушинский табор и Сигизмунд", А. К. Толстой, прочитавший "Царя Федора Иоанновича", А. Н. Майков прочитал драматическую сцену "Странники" из

поэмы "Жаждающий". Вечер привлек обширную аудиторию и дал большой сбор.

2 февраля 1867 г. Е. П. Ковалевский в шестой раз был избран председателем комитета Литературного фонда. Вскоре после избрания он обратился к жившему в Москве А. Н. Островскому с просьбой выступить с чтением в пользу Литературного фонда. Чтение состоялось 25 марта. А. Н. Островский прочел "Новейшую драматическую хронику — Дмитрий-самозванец и Василий Шуйский".

3 апреля 1867 г., накануне выхода в свет романа "Дым", приехавший из-за границы И. С. Тургенев прочитал несколько глав из этого романа. Доход с вечера в сумме 755 рублей поступил в пользу Литературного фонда. Е. П. Ковалевский горячо поблагодарил И. С. Тургенева за выступление. В ответ на это 17 апреля 1867 г. Иван Сергеевич писал, что он глубоко тронут дружеским сочувствием к его трудам. "Я горжусь, — писал он, — своим участием в основании нашего Общества и дорожу моей тогдашней деятельностью, как одним из лучших моих литературных воспоминаний; мне особенно приятно заявить это чувство теперь, когда самые имена членов комитета в настоящем составе, живо переносят меня в ту прекрасную эпоху, о которой вы говорите. Почитаю себя счастливым, что мог моим чтением принести посильную помощь Литературному фонду, и прошу комитет, а равно вас, достойного его председателя, быть уверенным, что и впредь я с особенным удовольствием готов буду делать все от меня зависящее для возвышения значения нашего Общества и усиления его средств" [34, ф. 438, № 5, л. 203].

2 февраля 1868 г. Е. П. Ковалевский в седьмой раз был избран председателем комитета Литературного фонда. Помощником его был избран А. П. Заболоцкий-Десятовский, секретарем К. Д. Кавелин, казначеем Ф. И. Тютчев. 3 февраля Е. П. Ковалевский председательствовал на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения И. А. Крылова, где с докладом о выдающемся русском баснописце выступил Я. К. Грот. Это было последнее большое заседание в Литературном фонде, при котором присутствовал Е. П. Ковалевский перед смертью, которая последовала через 7 месяцев.

"На нашем литературном вечере, — писал Е. П. Ковалевский Я. К. Гроту 6 февраля 1868 г. от имени всех членов комитета, — публика оценила голос ученого, академика и честного писателя. У нас к этой правильной оценке присоединилось еще признательное чувство к бывшему нашему сочлену, горячо принимавшему к сердцу интересы Общества и оказавшему ему не одну услугу в качестве помощника председателя и председателя" [36].

Многое из этого письма можно отнести к самому Е. П. Ковалевскому, которого общественность давно оценила как ученого и путе-

пешественника, и как честного писателя и гражданина, горячо принимавшего к сердцу интересы Общества и тоже оказавшего ему неоценимые услуги.

Егор Петрович Ковалевский скончался в расцвете творческих сил 20 сентября 1868 г. М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов писали, что в лице Е. П. Ковалевского литература понесла "одну из самых чувствительных потерь".

Заседание памяти Е. П. Ковалевского состоялось в Литературном фонде 27 октября 1868 г. П. В. Анненков прочитал очерк о жизни и деятельности Егора Петровича, который до сих пор остается его лучшей биографией [25, 10 ноября 1868 г.].

А. П. Заболоцкий-Десятовский в речи, посвященной памяти Е. П. Ковалевского, сказал, что Общество помощи нуждающимся литераторам и ученым и имя Е. П. Ковалевского "слились в публике в одно". И это он объяснил не видным служебным и общественным положением Е. П. Ковалевского и его связями с Министерством народного просвещения, а тем, что Егор Петрович соединял в себе "как немногие — служебные заслуги и видное положение с именем известного писателя, и репутацией безукоризненной чести".

"Россия, — писал он, — знала Егора Петровича, как неутомимого путешественника и замечательного писателя, мы же знали и другую его сторону, знали его душу, знали доброту его сердца, привязанность к друзьям, счастливую особенность радоваться успехам других и забывать самого себя там, где дело шло о помощи другим".

Его благородное сердце было полно любви ко всему доброму, прекрасному, честному. Он ненавидел и презирал все низкое и недостойное. Патриотизм и любовь к родине он соединял с живым и оригинальным умом, глубокой образованностью и большим умением жить с людьми, что делало общение с ним "в высшей степени привлекательным". Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым его уважало и любило, около него группировалось и им гордилось. Он был лучшим представителем и достойным образцом русских литераторов и ученых.

Литература

1. *Энгельс Ф.* За Польшу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 18.
2. *Вальская Б. А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
3. *Вальская Б. А.* Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848—1860) // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. В. 3, Л., 1966.
4. *Вальская Б. А.* Е. П. Ковалевский и русские востоковеды // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. В. 1/2. Л., 1965.
5. *Вальская Б. А.* "Накануне" и "Путевые записки о славянских землях" Е. П. Ковалевского // Тургеневский сборник. В. 5. Л., 1969.

6. *Венюков М. И.* Из воспоминаний. Кн. 1. 1832—1867. Амстердам, 1895.
7. Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951.
8. *Герцен А. И.* Собрание сочинений. Т. 15. М., 1958.
9. *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. Пг., 1920.
10. *Достоевский Ф. М.* Материалы и исследования. Л., 1935.
11. *Достоевский Ф. М.* Письма. Т. 2. М.-Л., 1930.
12. *Книжник-Ветров.* Ив. Лавров о Н. Г. Чернышевском // Литературное наследство, 7—8, М., 1933.
13. *Ковалевский Е. П.* Годовой отчет о работе Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым за 1861 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 9 февраля.
14. *Ковалевский Е. П.* Годовой отчет о работе Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым за 1862 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 27 февраля.
15. *Козьмин Б. К.* истории "Молодой России" // Каторга и ссылка. 1930. № 5.
16. *Корсаков Д. А.* Из жизни К. Д. Кавелина // Русская мысль. 1899. № 5.
17. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. М., 1955.
18. *Некрасов Н. А.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 1967.
19. *Орнатская Т. И.* Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987.
20. *Пантелеев Л. Ф.* Из истории первых лет существования Литературного фонда // Юбилейный сборник литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909.
21. *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого. М., 1905, т. 1.
22. Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Саратов. 1939.
23. *Репинский Г. К., Скобичевский А. М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 гг. XXV лет // Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884.
24. *Родзевич Н. Н.* Отставка Евг. П. Ковалевского // Исторический вестник, 1905, № 1.
25. Санкт-Петербургские ведомости.
26. *Серно-Соловьевич Н. А.* Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861.
- 26а. *Слепцова М.* Штурманы грядущей бури // Звенья. № 2. М., 1933.
27. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 6. М.-Л., 1963.
28. *Тютчев Ф. И.* Памяти Е. П. Ковалевского. Лэрика. Т. 2. М., 1965.
29. *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 14. М., 1949.
30. Чернышевский Н. Г. в воспоминаниях современников. Саратов, 1959.
31. *Чернышевский Н. Г.* Статьи, исследования и материалы. Т. 3, Саратов. 1962.
32. *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
33. *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. Т. 1. М., 1967.
34. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел.
35. Институт русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский дом). Рукописный отдел. Ф. 67, 18080/СХV66.
36. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Ф. 137, оп. 3, № 446.